

Игорь К. Архипов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

КАТЕГОРИЯ «ПРАВДЫ» КАК МНЕНИЕ И КАК ИМПЕРАТИВ ПОВЕДЕНИЯ

Целью данной статьи является попытка очерка понятия «правда» и того содержания, которое вкладывают в него носители русского языка в рамках обыденного сознания и в сфере гуманитарных знаний. Однако, прежде чем входить в подробности объяснений, почему выражаемый им концепт, ассоциируемый с корнем «прав-», один из самых частотных, следует, напомнить о существовании его синонима «истина».

При установления специфики каждого из них можно принять к сведению мнение Готлоба Фреге относительно того, что глубинные истоки категории истинности, так сказать, «лежат у нас под ногами». Это, в частности, проявляется в форме высказывания независимо от его содержания: «констатацию истинности мы выражаем (уже) в форме утвердительного предложения. При этом слово *и с т и н а* нам не требуется»¹. Из этого следует, что по умолчанию сама форма констатации подразумевает, если не истинность, то хотя бы правдивость или справедливость «просто» высказываний или повествований о некотором явлении как о *status quo*. То, что при этом заявляется, может выглядеть как кем-то подтверждающее мнение, уже высказанное или высказываемое в данном контексте, то есть как факт, который имел место. Так выдвигаются гипотезы и пресуппозиции, претендующие на истинность, пока они не опровергнуты. Подобные ситуации укладываются в рамки мощных механизмов — стереотипов типа «так оно и есть, потому что это не опровергнуто», или просто «так говорят». Надо отметить, что тиражирование подобных правд или «правд» способствует не только созданию нового знания, но и укреплению убаюкивающей уверенности

¹ Г. Фреге: *Мысль: логическое исследование*. В кн.: *Философия. Логика. Язык*. Ред. Д.П. Горский, В.В. Петров. Москва: Прогресс 1987, с. 24–25.

(«я на уровне»), способствующей закреплению стереотипов-мифов среди специалистов в некоторой сфере знания.

В этих условиях необходимо определить, о каких особенностях и различиях компонентов концепта «истина-правда» может идти речь и почему. Так, при обращении к словарю Владимира Даля исследователь не только получает соответствующую информацию, но и узнает, так сказать, об «отношении народа» к этому раздвоенному понятию. Например, слово «истина» определяется как «противоположность лжи», «всё, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть»². Кстати, автор тут же делает сноску и задает в ней себе вопрос: «всё, что е с т ь, то и с т и н а; не одно-ль и то же е с т ь и е с т и н а, и с т и н а?»³. Этот вопрос (или уточнение?) автора словаря, можно полагать, отражает, по его мнению, специфику концепта «истина», то есть — «то, что есть».

Нельзя не заметить, как мощно в данном случае «сработал» суффикс -ин-, образуя существительное, мотивированное личной формы глагола «быть» и являющееся «сверткой» указанного концепта, выражаемого полностью фразой, или, точнее, «мотивирующим суждением»⁴. Есть все основания полагать, что е с т и н а является окказионализмом самого Даля, поскольку слово появляется в его словаре только в данном контексте и на фоне разнообразия однокоренных слов местных русских говоров, также сверток: е с т ь е (всё, что есть у кого), е с т и (списки или ведомости о наличных людях), е с т н ы й (достаточный, жадичный), е с т и н о! (ответ или отзыв на оклик и на команду) и др.)⁵.

В этой связи, казалось бы, можно удивляться по поводу того, что такая семья производных, правда, «раскиданных» по разным говорам, не сохранилась, но есть и ключ к ответу. Во-первых, основа е с т - явно не выдержала конкуренции в силу каких-то фонотактических факторов. Во-вторых, вероятно, доминирующая сема «есть в реальности» показала русским людям «слишком приземленной» по сравнению с менее очевидными, расплывчато-возвышенными значениями формы и с т -: она не гармонировала с абстрактными признаками справедливости, искренности и т.п. И, наконец, третья возможная причина — потеря или отсутствие интереса к проблемам дифференциации чем-то различающихся понятий. Естественно, что перед сознанием носителей обыденного сознания маячила проблема тонкой дифференциации

² В. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Москва: Русский язык 1989.

³ Там же.

⁴ Е.С. Кубрякова: *Типы языковых значений. Семантика производного слова*. Москва: Наука 1981, с. 164–178.

⁵ В. Даль: *Толковый словарь...*

понятия об одном из фундаментальных явлений мира. В итоге задача оказалась нерешенной, скорее всего, по причинам её неактуальности на фоне других повседневных забот. Это совпадает с наблюдениями Нины Д. Арутюновой, которая в своё время обратила внимание на отсутствие метафорических номинаций в сфере, например, астрономии. Она справедливо поясняет это тем, что обыденное сознание не имеет никакого содержательного отношения к звёздам — находясь за пределами досягаемости и влияния человека, они ему неинтересны.

Итак, в словаре Даля статье и с т и н а отведена половина страницы. В то же время описание слова «правый» с производными и «правдой», одним из них, занимает три страницы. Данное соотношение «популярности» сохраняется и на сегодняшний день в виде рейтингов частотности употребления — рейтинг и с т и н ы в 7 раз ниже, чем у п р а в д ы⁶. В этом же плане проявляется «отношение народа» к истине как таковой. Она далека от него, так как «не может состоять из крови и слез, и с т е р и к и и п о т а» (Ф.М. Достоевский) и слово:

истина «стоит одиноко, особняком от других слов, незыблемо как скала, и лишь смутное сходство с корнем слова «стоять» (to stand) мерцает в густом блеске этой предвечной громады (В.В. Набоков)⁷.

Соответственно, отношение к «вкусам народа» отражается в том, что в популярном — со множеством прекрасных картинок — издании Даля *Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание* статьи об истине нет вообще⁸. На этом фоне ярко проявляется специфика значения существительного «правда» — оно выражает понятия об истине, имеющие какое-то о т н о ш е н и е к (конкретному) предмету или явлению: «истина на деле», «истина в образе, во благе», «правосудие», «справедливость» Даль.

Авторы словарей современного русского языка (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова⁹; С.А. Кузнецов¹⁰; В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина¹¹), следуя в основном подходам Даля, как представляется, более склон-

⁶ Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры 1998, с. 636.

⁷ Там же, с. 635.

⁸ В.И. Даль: *Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание*. Москва: Астрель: АСТ: Транзиткнига 2000.

⁹ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова: *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд. Москва: Азбуковник 2001.

¹⁰ С.А. Кузнецов: *Современный толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт 2007.

¹¹ В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина: *Современный толковый словарь современного русского языка*. Москва: Эксмо 2011.

ны указывать на общее в семантике этих двух слов, чем на различия. И в этом есть несомненный смысл, так как, став основным мерилom оценки, правда постоянно вторгается «в зону истины»¹². Тем не менее, для того, чтобы понять специфику семантики слова «правда» и роль ее в духовной культуре русского общества необходимо указать на особенности мотивирующего прилагательного «правый».

О мощи его содержательного потенциала прежде всего свидетельствует наличие впечатляющего количества производных от него слов — приблизительно 32, включенных в современные словари, и еще большего числа, содержащихся в словаре Даля. Неуловимо широкий масштаб концептуального охвата, надо полагать, определяется высокой степенью синкретичности его значений, которая, в свою очередь, несомненно, обусловлена синкретичностью изначального признака, мотивирующего остальные значения и оттенки смысла. Действительно, с одной стороны, судя по данным словарей, в качестве первого значения фигурирует такой признак локальной ориентации, как «‘десной’ пртвл. ‘левый’, ‘шуй’»¹³, то есть «находящийся, расположенный по стороне, которая противоположна левой», в переводе на современный язык¹⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что объем лексикографического описания этого прилагательного с массой производных от него слов, нагруженных положительными коннотациями самого разнообразного толка, в несколько раз превышает описание слова «левый», имеющего в основном отрицательные коннотации. Казалось бы, с онтологической точки зрения, «правый» ничем не лучше «левого», и наоборот. Однако всё становится ясным при ознакомлении со значением слова «левый» — с некрещеной руки, недвусмысленно маркированным по признаку принадлежности, а если быть точным, по признаку противостояния группе. Таким образом, вся перспектива возникновения и развития этих слов опрокидывается в прошлое, в мифологию индоевропейской культуры.

Наблюдения жизненной практики позволяют предполагать, что «достоинства правой стороны» были, очевидно, замечены правшами на основании положительных ассоциаций с преимуществами, которые давала им правая рука по сравнению с левой. Далее, можно предположить, что данный физиологический контраст лег в основу или, наоборот, наложился на одну из существенных гносеологических дихотомий

¹² Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир...* с. 634.

¹³ В. Даль: *Толковый словарь...*

¹⁴ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова: *Толковый словарь...*; Т.Ф. Ефремова: *Современный толковый словарь русского языка*. Т. 1–3. Москва: АСТ: Астрель: Харвест 2006.

явлений мира. В любом случае, данный клубок связей и противопоставлений «отстоялся» в виде противостояния антропоморфных образов — с правой стороны человека стоит Господь, Спаситель и охраняет его, а с левой его подстерегает искушитель.

Подобные представления о «правой стороне» восходят к древнеиндийскому понятию «дакшина», которая ассоциировалась не только с понятиями «правый», «южный», «способный», «умный», «искренний» и т.п., но была связана ещё и с такими ощутимыми «благами», как сакрализованный дар жрецу-брахману и даже соответствующий ритуал¹⁵. Подобные детали соответствуют особенностям семантики слов «правый» и «правда», которые выражают понятия об истине, имеющие (какое-либо) отношение к конкретному предмету или явлению — «истина на деле», «истина в образе, во благе», «правосудие», «справедливость». Поскольку при каждом употреблении прилагательного «правый» в качестве атрибута говорящий, тем самым, констатирует истинность наличествующих признаков конкретного предмета или явления, всё высказывание, как правило, приобретает окраску положительной оценки как позитивного результата идентификации как предметов окружающей среды, так и самоидентификации коммуниканта — познающего субъекта. Установление истинности того и другого соответствует механизмам опознания себя и своей среды как в ситуациях, упомянутых выше Фреге, так и в ходе описываемых ниже биологических процессов познания с помощью языка. При этом положительная оценка «подкрепляется нахождением» человека или предмета на стороне, ассоциируемой с духовной чистотой и спасением. В современном русском сознании, однако, это, скорее, ассоциация с «просто хорошим».

Историческую коллизию «противостояния» истины и правды можно проследить на примере развития русской философской мысли, которую, так ярко и точно описал Николай А. Бердяев в 1909 году. Он показал, что одной из главных «аббераций сознания» русских интеллигентов, приведших к идеологическому кризису, была религиозная бездуховность: под прикрытием «борьбы за истину» в философских кругах на самом деле шло повседневное и повсеместное столкновение сторонников самых разнообразных «правд». Каждый отстаивал свою «прагматическую правду», нацеливавшую общество на достижение сиюминутных политических преимуществ. Момент «объективной ИСТИНЫ» окончательно потонул в субъективности и сугубо классовых подходах.

¹⁵ Е.М. Мелетинский: *Мифологический словарь*. Москва: Большая российская энциклопедия. Лада-Маком 1992, с. 171.

Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. Она шла на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей. Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, если люди будут счастливее, долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие»¹⁶.

Он призывал к признанию самоценности истины в смирении перед ней и готовности на самопожертвование ради неё. Завершая свой анализ, Бердяев указывает на главную причину, «подлежащую» всем остальным:

но недостойно свободных существ во всем всегда винить внешние силы и их виной себя оправдывать. Виновата и сама интеллигенция: атеистичность ее сознания есть вина ее воли, она сама избрала путь человекопоклонства и этим исказила свою душу, умертвила в себе инстинкт истины¹⁷.

Приведенное обсуждение природы и смысла противопоставлений «правого» и «левого», возможно, оставляет у читателя впечатление произвольности и необязательности как самого контраста, так и аргументации в пользу или против его состоятельности. Можно отметить, что православные священники не связывают его с каким-либо ритуалом, поскольку всё это, по их мнению, — просто слова, с помощью которых верующие более образно представляют себе добро и зло, а также то, на какой «стороне» следует стремиться быть. С этим вряд ли стоит спорить, но не следует забывать русскую пословицу «слово даром не ходит». Она не безосновательно напоминает, что в России, может быть, больше, чем где-либо слово значит очень много, вплоть до того, что «борьба» за или вокруг какого-либо слова иногда принимает неоправданно гипертрофированные формы — и часто всё из-за образа, занесенного «тем словом, что прошло среди нас» и разделило нас либо объединило.

Поэтому, очевидно, можно взглянуть на обсуждаемые здесь проблемы пошире и задуматься, почему люди как «свободные существа» вообще выбирают ту или иную правду как путеводную звезду в их устремлениях к достижению истины или конкретного жизненного блага. Ясно, что перебирать возможные мотивы, определяющие поведение милли-

¹⁶ Н.А. Бердяев: *Философская истина и интеллигентская правда*. В кн.: *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. Санкт-Петербург: Азбука Авалонь 2011, с. 18.

¹⁷ Там же, с. 36 (выделено мною — И.А.).

онов, дело бесперспективное, так как зависят они от обстоятельств, движущих поступками людей, и воли каждого из них.

С другой стороны, нельзя игнорировать некоторые наблюдаемые факты. Так, несмотря на разнообразие проявлений жизни человечества, оно выжило на сегодняшний день, потому что, прежде всего, люди всего мира живут в глобальных условиях, в которых они жили и продолжают жить на Земле. Второй фактор следует непосредственно из первого — у всех поэтому должны быть какие-то общие базовые качества и причины, в силу которых люди на Земле способны участвовать в процессах жизни. И, наконец, третье обстоятельство, обусловленное двумя первыми — организмы людей очевидно должны характеризоваться какой-то общностью физической структуры и её функций, обеспечивающих адекватное приспособление к среде обитания необходимое для выживания вида *homo sapiens*.

Эти проблемы в той плоскости, где они касаются такой сферы человеческой деятельности, как коммуникация, поставлены и последовательно решаются представителями нового направления когнитивной лингвистики — биологии познания. Новизна данного подхода заключается в том, что «всё сказанное (о мире — И.А.) сказано наблюдателем». Этим подчеркивается изначально субъективная природа процессов познания. Под «наблюдателем» имеется в виду не виртуальное сознание коллектива, общества и т.п., а индивидуальная личность, наблюдающая здесь и сейчас: «речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам; что справедливо для одного, то справедливо и для другого»¹⁸. Далее,

наблюдатель — живая система, поэтому, чтобы понять познание как биологическое явление, необходимо учитывать наблюдателя и его роль в познании и дать им объяснение. Живые системы суть единства взаимодействий, и существуют они в том или ином окружении¹⁹.

С точки зрения биологии, их нельзя понять независимо от той части окружения, с которой они взаимодействуют, то есть независимо от ниши. Точно так же и ниша неотделима от описывающей её живой системы. Из этого следует, что поскольку структура живой системы сложилась и функционирует специфическим образом именно благодаря постоянной связке её взаимодействий с нишей, то суть и цель её функций заключаются в приспособлении к последней. Организация

¹⁸ У. Матурана: *Биология познания*. В кн.: *Язык и интеллект*. Ред. В.В. Петров. Москва: Прогресс 1996, с. 96.

¹⁹ Там же, с. 97

этого механизма функционирует в рамках замкнутого каузального кругового процесса, допускающего изменения в способе поддержания кругообразности, но не допускающего утраты самой кругообразности. Иными словами, поддержание функции живого организма в соответствии с факторами функционирующего окружения обеспечивает его стабильность и является целью и конечным смыслом его существования — и только выполнение этого условия обеспечивает выживание живой системы.

Если условия действия этих биологических механизмов перевести в плоскость дискуссии об истине и правде, то гармонию между поведением личности и факторами взаимодействия с нишей можно условно определить как «жизнь по правде (жизни)», и наоборот, разлад в этих отношениях характеризует жизнь как «неправильную», или «неправедную». Понятно, что «гармония» или «разлад» на бытовом уровне индивидуальной личности чаще всего определяются по этическим основаниям как проявления соблюдения или нарушения ею этических заповедей, социальных установок и/или личных оценок. Это, в свою очередь, определяет отношение к ней членов общества — однако, по большому счёту, многие оценивают подобные правила, предписания и рекомендации не более чем как «мнения». И если к индивидуальным мнениям, например, врача еще прислушиваются, то назидания с использованием «избитых истин», обращенные ко «всем», не всегда оказываются действенными императивами. Считается, что в подобных условиях определяющим фактором выступает личная «воля», которую трактуют исключительно как желание, склонность, стремление к достижению чего-либо, то есть опять-таки как осуществление всего лишь «мнения», и поэтому люди часто не видят прямой зависимости своего выживания от него.

Однозначную оценку такого отношения дать затруднительно. Дело в том, что

человек — рациональное животное, конструирующее свои рациональные системы так, как конструируются вообще все рациональные системы, то есть исходя из произвольно принятых им для себя истин (посылок). Поскольку он представляет собой релятивистическую самореферентную [...] систему, то иначе и быть не может. Однако, если возможна только относительная, произвольно выбранная с и с т е м а о т с ч е т а, тогда неизбежной задачей человека как животного, которое осознает самого себя и способно быть наблюдателем своих собственных когнитивных процессов, оказывается осознанный выбор системы отсчета для конструирования с в о е й системы ценностей. Человек всегда избегал этой задачи, либо обращаясь к богу как к абсолютному источнику истины, либо прибегая к самообману с п о м о щ ь ю р а з у м а, который можно применять для обоснования чего угодно, смешивая различные системы отсчета,

так что аргументацию в одной области он строит, основываясь на отношениях, действительных для другой. Конечная истина, лежащая в основе рационального поведения человека, предопределена его личным опытом и представлена как акт выбора, в котором выражается предпочтение, не передающееся рациональными средствами. Поэтому альтернативой разуму как источнику универсальной системы ценностей служит эстетическое искушение в пользу такой системы отсчета, которая согласуется с его желаниями (а не потребностями) и определяет функции, которые должны быть удовлетворены миром (как культурным, так и материальным), в котором он хочет жить²⁰.

Эти заключительные строки труда *Биология познания* основателя новой теории Умберто Матураны звучат, с одной стороны, как указание на бездонность проблем изучения фундаментальных механизмов организации и функции человеческого организма, а, с другой, как предупреждение Человеку о том, что его жизнь достаточно хрупка, чтобы пренебрегать советом древних: познай самого себя — прежде чем «хотеть» что-либо.

Показав в ходе своего анализа, как рационально, то есть в смысле на сколько в соответствии с естественно обусловленной гармонией, запрограммировано сосуществование индивидуума и его ниши, Матурана намекает на то, что этот баланс должен быть интуитивно определен для себя каждым в отдельности. Осознание его и дает индивидууму чувство «правильности» его отдельного поступка или курса всей жизни в том, что он «живет по правде». Опираясь на это чувство, человек экстраполирует соответствующие оценки на других, неизбежно исходя из ощущений своего тела и сопоставляя их с наблюдениями поведения других.

С ростом жизненного опыта и самонаблюдения, в частности, человек приходит к необходимости уметь различать содержание и ценность «желаний» и «потребностей» в каждый момент своей жизни, а также как и в чем их видеть. Каждый делает свои выводы относительно того, насколько совпадали и продолжают совпадать первые со вторыми. Каждый оценивает свое поведение «правильным», если «достаточное», по его мнению, количество желаний оказывается потребностями его организма. Со временем, содержание желаний и потребностей индивидуума и отношение к ним со стороны социума могут претерпевать коррективы, в ходе и в результате которых отношения между этими двумя сторонами улучшаются или ухудшаются, или застывают в состоянии (снисходительной) терпимости. Все подобные флуктуации оцениваются словами «правильный» и «неправильный», употребление которых может иметь далеко идущие последствия как в сфере

²⁰ Там же, с. 140 (разрядка — И.А.).

осмысления личного опыта, так и в сфере социального поведения — в последнем случае они выполняют роль сигналов, стимулирующих соответствующее ответное поведение.

Вот этой связи необходимо обратить особое внимание на основания, выделенные выше Матураной для выбора системы отсчета при конструировании индивидуумом своей системы ценностей — в нашем случае по шкале «правильный/неправильный». По мнению автора, попытки рационального подхода являются «самообманом с помощью разума». В этом сказывается суть интегрального подхода теории биологии познания: биологическая природа тела предопределяет все функции — физиологические и социальные.

С этими наблюдениями подходов к оценке (своего) поведения перекликается мнение бывшего руководителя российского государственного ведомства по контролю санитарного состояния Геннадия Г. Онищенко. Обращаясь к радиослушателям со словами: «сознание вашего организма выше вашего духовного сознания», высококвалифицированный специалист в области медицины, доктор медицинских наук и одновременно человек по роду своей деятельности далекий от лингвистики, подтверждает смысл изложенной выше концепции. Поэтому, очевидно, единственным выводом, и рекомендацией одновременно, в отношении правильного образа жизни своего организма или его «жизни по правде» оказывается не очень понятный, с точки зрения выполнения, совет: «слушайте своё тело». С другой стороны, каждый из нас интуитивно знает, как это делать, и делает это с большим или меньшим успехом в широком диапазоне обстоятельств в зависимости от чрезвычайно широкого диапазона причин. «Жизнь по правде тела» может иметь благоприятные последствия не только для индивидуальной личности, которая «познала себя» и живет в гармонии со своей нишей, но и в сфере её социальной ниши: когда поведение человека отражает его жизнь в гармонии со своим телом, оно посылает сигналы, свойственные для члена общества, который предсказуем.

Igor Archipow

KATEGORIA „PRAWDY” JAKO OPINIA ORAZ JAKO IMPERATYW ZACHOWAŃ

Streszczenie

W artykule jest rozpatrywany problem kognitywnej podstawy kształtowania treści kategorii „prawda” oraz funkcjonowania środków jej manifestacji w języku rosyjskim. Pokazano mechanizmy korelacji czynników fonotaktycznych, morfologicznych, derywacyjnych oraz semantycznych, warunkujących rozwój leksemu *prawda* w diachronii. Zbadano znaczenie treści leksykalnej tego rzeczownika w praktyce komunikacyjnej użytkowników języka

rosyjskiego, a także zależność rozwoju historycznego semantyki leksykalnej od właściwości funkcjonalnych wyrazu.

Igor Arkhipov

CATEGORY OF "TRUTH" AS AN OPINION AND AS AN IMPERATIVE OF BEHAVIOR

Summary

The paper discusses issues of cognitive patterns underlying semiosis and, in particular, the emergence of the concept of "truth" which, in Russian, is an equivalent of two synonyms. Relevant lexical means of expression are described. Patterns of interactions of phonotactic, morphological, word-formation and semantic factors contributing to word survival are outlined. The data point to the key role of the relevance of a lexical meaning in a given context of every-day praxis of life of Russian language users. It is also important as far as a word survival is concerned. Our study shows how basic systemic semantic components are inherited in the course of the history of Russian.